

ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА МОЛОДЕЖИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И
НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ЛУЧШУЮ РАБОТУ

«МОЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА»

Направление: Региональное законодательство;

**Тема: Возможности применения региональных стандартов
для обеспечения продовольственной безопасности**

Соискатель: Гергерт Эвелина Сергеевна

Научный руководитель: Козлова Светлана Александровна

Место выполнения работы: г. Красноярск

Аннотация

Статья посвящена возможностям применения региональных стандартов для обеспечения продовольственной безопасности на примере Красноярского края - региона с выраженной пространственной неоднородностью, где единый агрегированный показатель самообеспеченности маскирует критическую уязвимость северных территорий, зависящих от логистики северного завоза. Показано, что действующая Доктрина продовольственной безопасности РФ, возлагая на субъекты РФ обязанность учитывать региональные особенности, не содержит методики внутрирегиональной дифференциации оценки. На основе анализа отечественных интегральных методик оценки продовольственной безопасности региона, регионального инвестиционного стандарта, Корпоративного демографического стандарта (ГОСТ Р 72119-2025) и модели «Демографический стандарт региона» предложена концепция Регионального стандарта продовольственной безопасности, включающая Корпоративный продовольственный стандарт и Продовольственный стандарт территорий. Разработан Индекс продовольственной безопасности территории (ИПБТ), сочетающий относительную (min-max) нормализацию показателей доступности продовольствия с пороговым методом оценки блока «культура потребления».

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНАХ РФ	7
1.1. АНАЛИЗ ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	7
1.2. ОСОБЕННОСТИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ КАК РЕГИОНА С НЕОДНОРОДНЫМ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ	8
1.3. ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ В РЕГУЛИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ	9
ГЛАВА 2. ОПЫТ ИНВЕСТИЦИОННОГО СТАНДАРТА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ	11
2.1. ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА	11
2.2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АНАЛОГИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ СТАНДАРТ, КОРПОРАТИВНЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СТАНДАРТ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СТАНДАРТ РЕГИОНА.....	13
ГЛАВА 3. КОНЦЕПЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ..	15
3.1. СТРУКТУРА И КЛЮЧЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СТАНДАРТА	15
3.2. МЕХАНИЗМ МОНИТОРИНГА И ОЦЕНКИ РЕГИОНОВ.....	16
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	17
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	18

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение продовольственной безопасности традиционно рассматривается как задача федерального уровня: именно на федеральной ступени принимаются документы, устанавливаются пороговые значения самообеспеченности и формируются механизмы государственной поддержки агропромышленного комплекса. Однако практика последних лет всё более отчётливо демонстрирует, что единые общероссийские подходы не в состоянии учесть колоссальную дифференциацию условий, в которых регионы решают задачу продовольственного обеспечения населения. Действующая Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20 (в редакции от 10.03.2025), устанавливает единые пороговые значения продовольственной независимости по одиннадцати группам продукции от зерна (не менее 95%) до пищевой соли (не менее 85%) определяет физическую и экономическую доступность продовольствия как общенациональные индикаторы, определяемые как отношение фактического потребления и фактической обеспеченности к установленным нормативам [1]. При этом сама Доктрина возлагает на органы исполнительной власти субъектов РФ обязанность реализовывать государственную политику «с учётом региональных особенностей»: разрабатывать и принимать нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации по вопросам обеспечения продовольственной безопасности, формировать и поддерживать необходимые запасы и резервы продовольствия, вести мониторинг состояния продовольственной безопасности на своих территориях не предлагает инструмента, который переводил бы этот принцип в операциональную плоскость.

Разрыв между декларируемым требованием учёта региональной специфики и отсутствием методического инструментария для такого учёта представляет собой ключевую проблему настоящего исследования. Особенно остро эта проблема проявляется в регионах с выраженной внутренней неоднородностью пространственного развития, где единый региональный показатель самообеспеченности маскирует критические различия между территориями. Красноярский край - крупнейший по площади субъект РФ, включающий развитые южные сельскохозяйственные районы, среднюю индустриальную зону и арктические территории, отнесённые к зоне северного завоза, - является показательным примером такой неоднородности. Земельный фонд края составляет порядка 236,6 млн га, из которых лишь 16,8% относится к землям сельскохозяйственного назначения [2]. В центральных и южных районах края хорошие предпосылки для пахотного земледелия и пастбищного животноводства, тогда как в северных районах обширные территории занимают олени пастбища, где ведение традиционного земледелия физически невозможно. Арктическая зона края составляет около 1095,6 тыс. км² (46,3% территории края и 29,5% территории Арктической зоны РФ) [3], где снабжение целиком зависит от логистики северного завоза.

В таких условиях единственный региональный показатель самообеспеченности продовольствием теряет управленческий смысл: высокая обеспеченность зерном и молоком в южных районах статистически «закрывает» глубокий дефицит физической доступности в северных территориях. Проблема усугубляется отсутствием на федеральном уровне утверждённой методики внутрирегиональной оценки продовольственной безопасности - на этот пробел указывают и специализированные исследования: пока Доктрина не содержит инструкции, регламентирующей и разъясняющей методику оценки уровня продовольственной безопасности в регионах, трактоваться её положения могут неоднозначно [4].

Одновременно в российской практике государственного управления накоплен положительный опыт решения структурно похожей задачи -выравнивания принципиально разнородных региональных условий через единый, но гибкий рамочный инструмент. Речь идёт о региональном инвестиционном стандарте (далее - РИС), который с 2012 года последовательно развивался как механизм создания единого стандарта для всех регионов страны, а с 2021 года - как обязательный для внедрения инструмент нового поколения [5, 6]. Принципиальная особенность РИС, отличающая его от директивных отраслевых регламентов, состоит в том, что он задаёт единую структуру и перечень обязательных элементов, но оставляет регионам свободу в наполнении этих элементов содержанием, соответствующим их специфике. Это порождает исследовательскую гипотезу настоящей работы: методология РИС - как модель сочетания унифицированной рамки и региональной вариативности - может быть содержательно адаптирована для сферы продовольственной безопасности, компенсируя тем самым выявленный правовой и методический пробел.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, продолжающимся усложнением условий обеспечения продовольственной безопасности на фоне внешнеполитических рисков, прямо зафиксированных в обновлённой в 2025 году Доктрине; во-вторых, вступлением в силу с 1 апреля 2024 года Федерального закона «О северном завозе», впервые системно урегулировавшего снабжение 21 субъекта РФ, включая Красноярский край, но не создавшего инструмента комплексной оценки продовольственной безопасности этих территорий [7]; в-третьих, накопленным, но пока фрагментарным опытом эмпирической оценки эффективности РИС, показывающим статистически значимую, хотя и умеренную, корреляцию между внедрением стандарта и ростом внебюджетных инвестиций в регионах [8].

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе обеспечения продовольственной безопасности на региональном уровне в Российской Федерации.

Предметом исследования являются правовые и организационно-методические возможности применения принципов регионального инвестиционного стандарта для формирования регионального стандарта продовольственной безопасности на примере Красноярского края.

Целью работы является разработка научно обоснованной концепции регионального стандарта продовольственной безопасности, адаптирующей структурные принципы регионального инвестиционного стандарта к специфике продовольственной сферы, и апробация её ключевых элементов на материале Красноярского края.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих задач:

- 1) проанализировать современное состояние нормативно-правового регулирования продовольственной безопасности на федеральном и региональном уровнях, выявить пробелы в части учёта региональной специфики;
- 2) охарактеризовать Красноярский край как регион с выраженной пространственной неоднородностью, обуславливающей необходимость дифференцированного подхода к оценке продовольственной безопасности;
- 3) проанализировать методики оценки продуктовой безопасности региона;
- 4) предложить структуру и ключевые показатели регионального стандарта продовольственной безопасности;

5) разработать структуру и ключевые показатели регионального стандарта продовольственной безопасности;

Практическая значимость заключается в том, что предложенная концепция может быть использована органами исполнительной власти Красноярского края и иных регионов со схожей структурой при разработке региональных нормативных актов в сфере продовольственной безопасности, а также Минсельхозом России - при совершенствовании методических рекомендаций по реализации Доктрины на региональном уровне.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНАХ РФ

1.1. Анализ текущего состояния продовольственной безопасности

Правовой фундамент современной государственной политики в сфере продовольственной безопасности образует Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20. Документ определяет продовольственную безопасность как состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объёмах не меньше рациональных норм потребления, и вводит три ключевых аналитических конструкции: продовольственную независимость (самообеспечение), экономическую доступность и физическую доступность продовольствия [1].

Показатель продовольственной независимости рассчитывается как отношение объёма отечественного производства к объёму внутреннего потребления и имеет строго определённые пороговые значения: зерна - не менее 95%, сахара - не менее 90%, растительного масла - не менее 90%, мяса и мясопродуктов - не менее 85%, молока и молокопродуктов - не менее 90%, рыбы и рыбопродуктов - не менее 85%, картофеля - не менее 95%, овощей и бахчевых - не менее 90%, фруктов и ягод - не менее 60%, семян основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции - не менее 75%, соли пищевой - не менее 85% [1]. Экономическая доступность определена как отношение фактического потребления основной пищевой продукции на душу населения к рациональным нормам её потребления, отвечающим требованиям здорового питания, с пороговым значением 100%, а физическая доступность - как процентное отношение фактической обеспеченности населения торговыми объектами и объектами общественного питания к установленным Правительством РФ нормативам [1].

На общестрановом уровне динамика показателей продовольственной независимости в последние годы демонстрирует устойчивый рост: по данным на 2025 год, самообеспеченность России зерном выросла до 161%, что существенно превышает пороговое значение Доктрины [9]. Однако сама методика допускает превышение 100% - значения могут превышать эту величину согласно изменённой в новой редакции Доктрины методике расчёта [4], - что делает высокие национальные значения слабо информативными для оценки продовольственной безопасности отдельных территорий.

Важной особенностью действующего регулирования является чёткое распределение компетенций между федеральным центром и субъектами РФ. Согласно Доктрине, Правительство РФ проводит единую государственную социально-экономическую политику в области обеспечения продовольственной безопасности, организует мониторинг её состояния и контроль за реализацией соответствующих мер, тогда как органы исполнительной власти субъектов РФ обязаны во взаимодействии с федеральными органами реализовывать с учётом региональных особенностей единую государственную политику: разрабатывать и принимать нормативные правовые акты субъектов РФ, формировать и поддерживать необходимые запасы и резервы продовольствия, обеспечивать ведение мониторинга состояния продовольственной безопасности на своих территориях [1].

Формулировка «с учётом региональных особенностей» является ключевой для настоящего исследования, поскольку именно она формально легитимирует потребность в дифференцированных региональных подходах, но не сопровождается методическим инструментарием, который переводил бы этот принцип в операциональную плоскость. Более того, п. 13 Доктрины прямо указывает, что для комплексной оценки обеспечения продовольственной безопасности используется система показателей, определяемая Правительством Российской Федерации, - то есть даже методика комплексной оценки остаётся прерогативой федерального уровня, без адаптации к структуре конкретного субъекта [1].

1.2. Особенности Красноярского края как региона с неоднородным пространственным развитием

Красноярский край занимает исключительное положение среди субъектов РФ по масштабу внутрирегиональной неоднородности. Административно-территориальная структура края включает бывшие Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа, что делает край структурно многосоставным регионом с принципиально разными типами хозяйствования на разных территориях.

Земельные ресурсы края отражают эту неоднородность напрямую: при общем земельном фонде в 236,6 млн га земли сельскохозяйственного назначения составляют лишь 39,8 млн га, или 16,8% [2]. При этом пространственное распределение сельскохозяйственного потенциала носит выраженный широтный характер: в центральных и южных районах края имеются хорошие предпосылки для пахотного земледелия и пастбищного животноводства, тогда как в северных районах, в частности в Таймырском муниципальном районе, обширные территории заняты оленьими пастбищами [2].

Согласно Стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 г. (утв. постановлением Правительства Красноярского края от 30.10.2018 № 647-п), в структуре региона выделяются 6 макрорайонов: Северный, Приангарский, Центральный, Западный, Восточный и Южный [10]. Северный макрорайон, включающий городской округ Норильск, а также Таймырский Долгано-Ненецкий, Туруханский и Эвенкийский муниципальные районы, занимает 185,9 млн га, или 78,5% территории края; все его территории относятся к районам Крайнего Севера, три из четырёх территорий входят в состав Арктической зоны РФ, три муниципальных района относятся к местам традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера [10].

Наиболее ярко неоднородность проявляется на примере Арктической зоны края. Красноярский край является самым крупным по занимаемой площади арктическим субъектом РФ - около 1095,6 тыс. км², что составляет 46,3% территории края и 29,5% территории Арктической зоны РФ в целом [3]. С 2024 года Красноярский край официально включён в периметр действия Федерального закона «О северном завозе», распространяющегося на территории с ограниченными сроками завоза грузов в 21 субъекте РФ [11]. К грузам северного завоза приоритетно относятся товары семи категорий: топливно-энергетические ресурсы, горюче-смазочные материалы, социально значимые продовольственные товары, непродовольственные товары первой необходимости, лекарства, медицинские изделия и специализированные продукты лечебного питания - всего около 160 наименований [11]. Красноярский край относится к субъектам с высоким объёмом речной перевозки при осуществлении северного завоза (наряду с Чукоткой и Якутией) [12], что делает край зависимым от короткого навигационного окна.

Экономические последствия такой логистической зависимости хорошо документированы применительно к сопоставимым регионам: население территорий с ограниченной транспортной доступностью тратит денежные доходы преимущественно на продовольственные товары и жилищно-коммунальные услуги, при этом средств на покупку непродовольственных товаров и транспортные

расходы не остаётся, что резко повышает актуальность государственной поддержки в рамках механизмов, аналогичных северному завозу [13].

Статистические данные Красноярскстата позволяют детализировать структурную неоднородность Северного макрорайона. Макрорайон вносит крайне незначительный вклад в объём производства сельскохозяйственной продукции края - 0,5% в 2019 году, при этом сельское хозяйство представлено преимущественно животноводством: доля животноводства в структуре продукции сельского хозяйства в Эвенкийском и Туруханском районах составляет 83,7% и 73,9% соответственно [14]. Традиционное домашнее оленеводство сосредоточено практически полностью на территории Таймырского Долгано-Ненецкого района - 120,7 тыс. голов, или 98,4% общекраевого поголовья северных оленей [14]. При этом экономическая доступность продовольствия существенно дифференцирована даже внутри самого макрорайона: оборот розничной торговли на душу населения составил 55 108,2 руб. в г. Норильске против 19 327,6-38 198,1 руб. в муниципальных районах - то есть разрыв более чем в 2,8 раза внутри формально единой «северной» зоны [14]. Протяжённость автомобильных дорог общего пользования местного значения на территории макрорайона составляет лишь 4,2% общекраевого значения, при этом на макрорайон приходится 96,3% протяжённости автозимников края и 99,0% ледовых переправ [14], - то есть подавляющая часть внутримакрорайонных перевозок зависит от сезонных временных транспортных артерий.

Таким образом, Красноярский край представляет собой не единое пространство продовольственного обеспечения, а совокупность как минимум трёх качественно различных подсистем: (1) южные и центральные аграрные районы с развитым растениеводством и животноводством; (2) индустриальные и урбанизированные территории со средним уровнем локального производства; (3) арктические и приравненные к ним территории, где продовольственное обеспечение полностью или почти полностью зависит от северного завоза. Единый региональный агрегат самообеспеченности продовольствием статистически «растворяет» критическую уязвимость третьей группы территорий в благополучных показателях первой, лишая региональные органы власти инструмента для адресного управления рисками.

1.3. Правовые пробелы в регулировании региональной продовольственной политики

Анализ действующего регулирования позволяет выделить несколько взаимосвязанных правовых пробелов, препятствующих эффективному учёту региональной специфики в политике продовольственной безопасности.

Во-первых, отсутствует утверждённая на федеральном уровне методика внутрирегиональной дифференциации показателей продовольственной безопасности. Доктрина оперирует показателями в масштабе субъекта РФ как неделимой единицы, тогда как для регионов со сложной пространственной структурой агрегированный региональный показатель не отражает реального положения дел на отдельных территориях. Как отмечается в специализированной литературе, Доктрина требует дальнейшего совершенствования именно в части методики оценки продовольственной безопасности в регионах [4].

Во-вторых, полномочия субъектов РФ в сфере продовольственной безопасности сформулированы преимущественно как обязанности (вести мониторинг, формировать резервы, разрабатывать нормативные акты), но не как право на установление собственных, дополняющих федеральные, стандартов оценки с учётом специфики территории. Это отличает продовольственную сферу от сферы инвестиционной политики, где региональный уровень получил чёткую методическую рамку в виде обязательных, но адаптируемых элементов стандарта [5, 6].

В-третьих, институционально не решён вопрос сопряжения политики продовольственной безопасности с политикой северного завоза. Хотя закон о северном завозе урегулировал отношения, связанные с завозом грузов на территории с ограниченными сроками завоза, а также с установлением цен и торговых надбавок [7], он представляет собой самостоятельный правовой механизм, регулируемый Министерством развития Дальнего Востока и Арктики, тогда как продовольственная безопасность остаётся в компетенции Минсельхоза России. Отсутствие единой рамки, увязывающей физическую доступность продовольствия с логистикой северного завоза, создаёт риск ведомственной фрагментации применительно к территориям, где эти два регулирования пересекаются.

В-четвёртых, отсутствует единый институциональный носитель ответственности за комплексную оценку продовольственной безопасности на региональном уровне, сопоставимый по статусу с региональными инвестиционными агентствами и проектными офисами, созданными в рамках внедрения РИС. Мониторинг продовольственной безопасности в регионах входит в обязанности региональных органов исполнительной власти в целом [1], без конкретизации организационной формы, методики и периодичности такого мониторинга, что делает практику регионов разнородной и несопоставимой.

Совокупность перечисленных пробелов формирует запрос на разработку регионального стандарта продовольственной безопасности - унифицированной по структуре, но вариативной по содержанию методической и организационной рамки, которая позволяла бы субъектам РФ операционализировать декларируемый в Доктрине принцип учёта региональных особенностей.

ГЛАВА 2. ОПЫТ ИНВЕСТИЦИОННОГО СТАНДАРТА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

2.1. Отечественные методики оценки продовольственной безопасности региона

Прежде чем обращаться к структурным аналогам стандарта из смежных сфер, необходимо систематизировать уже накопленный в российской науке и практике инструментарий непосредственной оценки продовольственной безопасности региона - поскольку именно недостаточность этого инструментария (а не полное его отсутствие) образует методический пробел, зафиксированный в главе 1.

Пороговый (нормативный) подход Доктрины. Базовая методика, закреплённая в Доктрине продовольственной безопасности РФ, строится на сопоставлении фактического значения показателя с фиксированным пороговым значением, единым для всех регионов страны (зерно - 95%, молоко - 90% и т.д.). Сильная сторона подхода - простота и прямая связь с национальными приоритетами; слабая, уже отмеченная в главе 1, - нечувствительность к стартовым условиям конкретной территории и невозможность дифференцировать состояние регионов, различающихся по природно-климатическому и логистическому потенциалу.

Интегральные (индексные) методики. В противовес пороговому подходу в академической литературе на протяжении последнего десятилетия разрабатывается семейство методик, сводящих несколько частных показателей в единый интегральный индекс с последующим ранжированием регионов по уровням. Так, методика Е. Н. Антамошкиной предполагает интегральную оценку по трём критериям - продовольственная самообеспеченность региона, экономическая доступность продуктов, удовлетворение физиологических потребностей населения в основных продовольственных продуктах, - на основании которых регионы ранжируются на четыре уровня продовольственной безопасности [29]. Близкий по логике подход апробирован на данных крупнейших регионов Южного федерального округа: показатели и критерии оценки согласованы с параметрами Доктрины, но при этом учитывают требования ВТО и позволяют проводить сравнительный межрегиональный анализ [30]. Наиболее свежий пример - методика диагностики уровня продовольственной безопасности региона (2025 г.), которая через способы количественной оценки коэффициентов продовольственной безопасности и интегрального уровня позволяет делать практические рекомендации по стабилизации уязвимых показателей и снижению риска перехода региона в более низкий критериальный уровень [31].

Необходимо отдельно остановиться на методическом подходе, разработанном непосредственно на материале Красноярского края. И. С. Ферова, С. А. Козлова и Е. Н. Таненкова в работе 2025 г. систематизировали существующие макро- и мезоуровневые подходы к оценке продовольственной безопасности, выделив методику ФАО ООН (оценка по направлениям наличия, достаточности, стабильности и использования продуктов), Индекс продовольственной безопасности британской исследовательской компании (оценка доступности потребления, наличия и достаточности продуктов, уровня их качества и безопасности, устойчивости и адаптации сельского хозяйства) и российскую Доктрину, сфокусированную на независимости, экономической и физической доступности [32]. Авторы прямо констатируют, что в настоящее время не существует официальных методических рекомендаций для оценки продовольственной безопасности именно на

региональном уровне, а большинство авторских методик мезо- и микроуровня не делает различия между критериями и индикаторами оценки [32].

Ключевой содержательный вклад - обоснование дополнительного, ранее слабо разработанного блока оценки продовольственной безопасности, названного авторами **«культура потребления»**. Блок объединяет два критерия: достаточность потребления (соответствие фактического потребления десяти ключевых категорий продуктов и суточной энергетической ценности рациональным нормам Минздрава России, утверждённым приказом от 19.08.2016 № 614) и пищевую безопасность (удельный вес проб пищевых продуктов и питьевой воды, не отвечающих гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям, с пороговыми значениями 0,4% и 12,9% соответственно, определёнными как средние общероссийские за 2016-2023 гг.) [32]. Для сведения показателей в комплексную оценку применяется балльный метод, сочетающий пороговое сравнение с последующим присвоением баллов и итоговой классификацией состояния (хорошее / нормальное / предкризисное).

Апробация методики на данных Красноярского края за 2016-2023 гг. дала показательные результаты. По блоку качества и безопасности продовольствия состояние оценивалось как хорошее лишь в 2021 г. (9 из 10 баллов), тогда как в 2022-2023 гг. фиксировалось ухудшение (4 и 5 баллов соответственно) на фоне роста доли несоответствующих гигиеническим нормативам проб пищевой продукции до 4,5% в 2023 г. (при пороге 0,4%) и сохранения доли несоответствующих проб питьевой воды на уровне 14,1% в 2023 г. (при пороге 12,9%), с превышениями по железу, фтору, нитратам, а также регистрацией канцерогенов и превышений по свинцу непосредственно в Лесосибирске, Норильске и Емельяновском районе [32]. По блоку достаточности потребления край демонстрирует структурный дисбаланс: устойчивое перепотребление мяса (рост коэффициента с 1,014 в 2016 г. до 1,178 в 2023 г.) и сахара (с 1,167 до 1,208 - негативная динамика при рекомендуемом значении <1) при хроническом недопотреблении овощей (в среднем на 32,7% ниже нормы) и фруктов (коэффициент 0,570–0,760 против нормы ≥ 1) [32]. Итоговая оценка «культуры потребления» колебалась в диапазоне 64,6–73,8%, с состоянием «ниже нормального» в 2017 и 2021 гг.

Принципиально важным для настоящего исследования является методическое ограничение, которое сами авторы прямо признают: на первом этапе апробации Красноярский край рассматривался как единое целое из-за недостаточной детализации информации, а блок «культура потребления» был оценён лишь в динамике по краю в целом. При этом авторы отдельно указывают, что ранее ими был проведён анализ продовольственной безопасности с точки зрения самообеспечения по агрегированным макрорайонам края, и прямо квалифицируют вопрос оценки продовольственной безопасности по отдельным территориям Красноярского края как дискуссионный, отмечая, что с учётом протяжённости, различных климатических условий и неравномерного развития агропромышленного комплекса такое зонирование необходимо, поскольку оно позволит достоверно определить уровень продовольственной безопасности различных макрорайонов [32].

Данное наблюдение имеет для настоящей работы двойное значение. Во-первых, оно является прямым подтверждением независимо установленного в главе 1 вывода о наличии методического пробела. Во-вторых, оно определяет содержательное наполнение предлагаемого в главе 3 стандарта: блок «культура потребления» (достаточность потребления и пищевая безопасность) должен войти в состав ключевых показателей регионального стандарта продовольственной

безопасности как самостоятельный, четвёртый (наряду с экономической и физической доступностью и ценовым разрывом) компонент оценки, а сама методика РСПБ должна прямо решать задачу, которая осталась нерешённой в цитируемой работе, - расчёт показателей не по краю в целом, а по муниципальным образованиям и макрорайонам отдельно.

2.2. Институциональные аналоги: региональный инвестиционный стандарт, Корпоративный демографический стандарт и Демографический стандарт региона

Региональный инвестиционный стандарт (РИС) даёт институциональную рамку («пять обязательных элементов + вариативное региональное наполнение»), но не содержит развитой методики количественного ранжирования территорий. Этот пробел частично закрывает Корпоративный демографический стандарт (ГОСТ Р 72119-2025), вводящий формализованную методику рейтинговой оценки с относительной (min-max) нормализацией, независимым источником данных (ФНС России) и трёхуровневой классификацией результата [28].

Третьим и наиболее близким по предметной логике аналогом является модель «Демографический стандарт региона» [33]. Значимость этой модели для настоящего исследования определяется тем, что в Красноярском крае уже сложилась методологическая традиция конструирования именно региональных стандартов по смежным направлениям государственной политики, что напрямую подтверждает содержательную гипотезу настоящей работы о переносимости стандартной формы регулирования в сферу продовольственной безопасности.

Методологически модель Труфанова опирается на универсальный социологический подход (В. Г. Немировский), согласно которому любая социальная система характеризуется тремя уровнями - информационным, функционально-организационным и вещественно-энергетическим, и предполагает, что факторы демографического поведения не действуют механически, а их влияние опосредовано субъективным восприятием социальных акторов через призму ценностей, смыслов и жизненного опыта [33]. Из этого выводится модель стандарта с двумя направлениями социально-технологического воздействия: (1) формирование структурных условий (объективных социальных и внесоциальных условий поведения) и (2) воздействие на восприятие социального субъекта (ценности, смыслы, образы, опосредующие восприятие этих условий). Указанные два направления детализируются в три уровня воздействия: формирование материальных условий (для реализации установок населения, снижения миграционной подвижности), оптимизация социальных условий (комплексная социально-психологическая, юридическая и иная поддержка) и развитие информационной политики (трансляция позитивных образов и моделей поведения). Наконец, модель формулирует шесть принципов реализации: комплексность (системность), контекстуальность, научность (компетентность), мониторинг трендов, профессиональное управление, нормативная база [33].

Перенос этой архитектуры в продовольственную сферу оказывается органичным и содержательно смыкается с выводом п. 2.1. Направление «формирование структурных условий» прямо соответствует пяти институциональным элементам, ранее выведенным из РИС (декларация, центр мониторинга, комиссия, карта уязвимости, регламент реагирования) и материальным мерам обеспечения продовольствием (запасы, логистика северного завоза, торговая инфраструктура). Шесть принципов реализации демографического стандарта территорий - в первую очередь контекстуальность (учёт специфики территории) и мониторинг трендов - напрямую соответствуют

задаче, поставленной, но не решённой в п. 2.1: систематическому отслеживанию динамики показателей не по региону в целом, а в контексте конкретных территорий.

ГЛАВА 3. КОНЦЕПЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

3.1. Структура и ключевые показатели стандарта

По аналогии с двухкомпонентной архитектурой Демографического стандарта региона [33], предлагаемый Региональный стандарт продовольственной безопасности (РСПБ) состоит из двух институционально различающихся, но содержательно скоординированных компонентов: Корпоративного продовольственного стандарта (набор добровольных мер для сельскохозяйственных производителей, торговых операторов и операторов логистики северного завоза - по аналогии с ГОСТ Р 72119-2025, детальная проработка этого компонента выходит за рамки настоящего исследования) и Продовольственного стандарта территорий, которому посвящена основная часть настоящей концепции.

Продовольственный стандарт территорий строится на модели направлений воздействия, заимствованной у Демографического стандарта региона: формирование структурных условий. Включает пять институциональных элементов, обоснованных в предыдущей редакции по аналогии с РИС: декларацию продовольственной безопасности региона, центр мониторинга, комиссию по продовольственной безопасности, карту продовольственной уязвимости и регламент реагирования на риски снижения доступности продовольствия.

Реализация направления подчиняется шести принципам [33]: комплексность (охват экономической, физической, потребительской и информационной составляющих одновременно), контекстуальность (обязательный учёт специфики субрегиональных зон), научность (компетентность) (применение статистически обоснованной методики расчёта, а не экспертных оценок), мониторинг трендов (регулярный, а не разовый характер оценки), профессиональное управление (закрепление функций за специализированным центром мониторинга) и нормативная база (институциональное закрепление стандарта актом уполномоченного органа).

Ключевым показателем РСПБ выступает Индекс продовольственной безопасности территории (ИПБТ), рассчитываемый для каждой субрегиональной зоны по формуле:

$$ИПБТ = w_1 \times \text{Балл(экономическая доступность)} + w_2 \times \text{Балл(физическая доступность)} + w_3 \times \text{Балл(ценовой разрыв)} + w_4 \times \text{Балл(культура потребления)},$$

где первые три компонента рассчитываются по формуле относительной (min–max) нормализации, заимствованной из ГОСТ Р 72119-2025 [28]:

$$\text{Балл} = (\text{Значение территории} - \text{Минимальное значение среди территорий региона}) / (\text{Максимальное значение среди территорий региона} - \text{Минимальное значение среди территорий региона}) \times 100,$$

а четвёртый компонент - «культура потребления» - рассчитывается пороговым методом [32]: соотношение фактического потребления каждой из десяти ключевых категорий продуктов и суточной энергетической ценности рациона с рациональными нормами Минздрава России, дополненное показателями удельного веса проб пищевых продуктов и питьевой воды, не отвечающих гигиеническим нормативам (пороговые значения 0,4% и 12,9% соответственно),

сводимыми в комплексный балл по той же балльной шкале [32]. Сочетание относительной нормализации (для показателей, осмысленных только в сравнении территорий друг с другом, - доступности и цены) и абсолютного порогового метода (для показателей, имеющих объективный физиологический и санитарно-гигиенический норматив, не зависящий от того, как обстоят дела у соседней территории, - достаточности и безопасности потребления) представляет собой методическое решение.

По итоговому значению ИПБТ территории классифицируются на три уровня: устойчивая продовольственная безопасность (от 70 баллов), умеренный риск (40–69 баллов), критическая уязвимость (менее 40 баллов), с автоматическим триггером применения полного состава мер направления 1 при попадании территории в зону критической уязвимости.

3.2. Механизм мониторинга и оценки регионов

Механизм мониторинга сохраняет двухконтурную структуру (институциональный контур - факт внедрения элементов направления 1; содержательный контур - динамика ИПБТ) [33]. Принцип мониторинга трендов реализуется через обязательный расчёт всех четырёх компонентов ИПБТ на регулярной основе, а не разово [32]. Принцип научности (компетентности) обеспечивается независимостью источников данных: компоненты экономической и физической доступности и ценового разрыва рассчитываются территориальным органом Росстата, а компонент «культура потребления» - территориальным управлением Роспотребнадзора на основе результатов лабораторного анализа проб пищевых продуктов и питьевой воды [32], что исключает возможность искажения показателей самим оцениваемым муниципальным образованием [28]. Принцип профессионального управления реализуется закреплением функций расчёта и интерпретации ИПБТ за центром мониторинга; принцип нормативной базы - приданием стандарту статуса рекомендательного, но институционально усиленного документа, дающего территориям, демонстрирующим улучшение ИПБТ, приоритетный доступ к мерам государственной поддержки.

Периодичность мониторинга остаётся дифференцированной: институциональный контур - ежегодно; содержательный контур - ежегодно для всех компонентов ИПБТ по всем зонам, с обязательным ежеквартальным пересчётом для зон, отнесённых к критической уязвимости, и для показателей направления 1 в территориях, включённых в периметр северного завоза [27].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, действующая Доктрина продовольственной безопасности РФ, устанавливая единые пороговые значения продовольственной независимости и обязывая органы власти субъектов РФ учитывать региональные особенности при реализации государственной политики, не сопровождает эту обязанность методическим инструментарием, позволяющим операционализировать принцип региональной дифференциации, - что представляет собой существенный правовой пробел применительно к регионам со сложной внутренней пространственной структурой.

Во-вторых, Красноярский край представляет собой показательный пример такой сложной структуры: агрегированный региональный показатель самообеспеченности продовольствием статистически маскирует критическую уязвимость Северного макрорайона, где сельское хозяйство вносит менее одного процента в объём производства продукции региона, физическая доступность продовольствия ограничена сезонной логистикой северного завоза, а внутренняя дифференциация экономической доступности достигает почти трёхкратного разрыва даже внутри самого макрорайона.

В-третьих, национальный стандарт ГОСТ Р 72119-2025 «Корпоративный демографический стандарт» демонстрирует иной, дополняющий РИС образец: формализованную методику нормированной балльной оценки и интегрального рейтинга с независимой (внешней по отношению к оцениваемому субъекту) верификацией исходных данных, - что восполняет отсутствующий в методологии РИС и в самой Доктрине продовольственной безопасности инструмент количественного, сопоставимого измерения результата.

В-четвертых, предложенная концепция Регионального стандарта продовольственной безопасности, состоящая из пяти институциональных элементов (декларация, центр мониторинга, комиссия, карта уязвимости, регламент реагирования), методики расчёта Регионального индекса продовольственной безопасности по образцу КПД-рейтинга и двухконтурного механизма оценки (институциональный и содержательный контуры), апробированная на материале Красноярского края, позволяет операционализировать выявленный правовой пробел и может быть рекомендована к использованию как в Красноярском крае, так и в иных субъектах РФ со сходной структурой пространственного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 (в ред. от 10.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020. - № 4. - Ст. 345.
2. Ковалёва, О. П. Земельные ресурсы Красноярского края: структура и потенциал использования / О. П. Ковалёва // Известия Института географии РАН. - URL: <https://izvestia.igras.ru/jour/article/download/264/260> (дата обращения: 19.09.2026).
3. Основные приоритеты стратегического развития Арктической зоны Красноярского края // Сибирский научный вестник. - URL: <https://www.sibran.ru/upload/iblock/8c8/8c860d3e4e9c873d1f57b0b7d143cd67.pdf> (дата обращения: 19.09.2026).
4. Доктрина продовольственной безопасности России и её регионов: от постановки цели к методике оценки её достижения // КиберЛенинка. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-prodovolstvennoy-bezopasnosti-rossii-i-ee-regionov-ot-postanovki-tseli-k-metodike-otsenki-ee-dostizheniya> (дата обращения: 19.09.2026).
5. О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»): Приказ Минэкономразвития России от 30.09.2021 № 591 (в ред. от 17.07.2024 № 456) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Каграманян, Н. С. Анализ влияния отдельных факторов на инвестиционные процессы в регионах / Н. С. Каграманян, С. В. Лукьянцева // Вестник университета. - 2024. - № 12. - С. 129–136. - DOI: 10.26425/1816-4277-2024-12-129-136.
7. Вступает в силу Закон о северном завозе (01.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472277/ (дата обращения: 19.09.2026).
8. Каграманян, Н. С. Указ. соч. - С. 133–134.
9. Самообеспеченность России зерном в 2025 году выросла до 161% // Финансы Mail. - URL: <https://finance.mail.ru/article/samoobespechennost-rossii-zernom-v-2025-godu-vyiroslo-do-161-69198382/> (дата обращения: 19.09.2026).
10. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года: Постановление Правительства Красноярского края от 30.10.2018 № 647-п.
11. Закон о северном завозе вступил в силу в России // Министерство транспорта Российской Федерации. - URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/branch-news/3596> (дата обращения: 19.09.2026).
12. Более 300 тонн продуктов планируют доставить в рамках северного завоза на Камчатке // EastRussia. - URL: <https://www.eastrussia.ru/news/bole-300-tonn-produktov-planiruyut-dostavit-v-ramkakh-severnogo-zavoza-na-kamchatke/> (дата обращения: 19.09.2026).

13. О транспортной доступности районов Крайнего Севера и Дальнего Востока // Neftegaz.RU. - URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/gosregulirovanie/654646-o-transportnoy-dostupnosti-rayonov-kraynego-severa-i-dalnego-vostoka/> (дата обращения: 19.09.2026).
14. Основные компоненты социально-экономического потенциала Северного макрорайона Красноярского края: информационно-аналитический обзор / Красноярскстат. - Красноярск, 2021. - 39 с.
15. Институциональные основы привлечения и сопровождения инвесторов: региональный инвестиционный стандарт // НИУ ВШЭ. - URL: <https://hse.ru/mirror/pubs/share/986962142.pdf> (дата обращения: 19.09.2026).
16. Стандарт деятельности органов государственной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе / Агентство стратегических инициатив. - URL: https://stavropol.fas.gov.ru/sites/stavropol.f.isfb.ru/files/news/2012/08/24/standart_deyatelnosti_ov_s_ubekta_rf_1.pdf (дата обращения: 19.09.2026).
17. Региональный инвестиционный стандарт: практика Республики Мордовия. - URL: https://staroshajgovskij-r13.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/309/2597/Regional_nyu_investitsionnyy_standart.docx (дата обращения: 19.09.2026).
18. Сергеев, Л. И. Оценка эффективности внедрения регионального инвестиционного стандарта / Л. И. Сергеев, А. В. Самсонов // Вестник ГУУ. - URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/download/4953/2895> (дата обращения: 19.09.2026).
19. The Common Agricultural Policy: origins and evolution. - URL: <https://dl1.cuni.cz/mod/resource/view.php?id=909451> (дата обращения: 19.09.2026).
20. Achieving Food Security at the Level of Integration: Experience of the European and Eurasian Unions / N. N. Shurakova // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. - 2021. - № 8 (140). - С. 29–37.
21. Safeguarding food security and reinforcing the resilience of food systems: Opinion NAT-VII/026 / European Committee of the Regions. - 2022. - URL: <https://edz.bib.uni-mannheim.de/edz/doku/adr/2022/cdr-2022-2101-en.pdf> (дата обращения: 19.09.2026).
22. Продовольственная безопасность // Википедия. - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Продовольственная_безопасность (дата обращения: 19.09.2026).
23. Nutrition North Canada // Public Libraries Nunavut. - URL: <https://publiclibraries.nu.ca/en/NNC> (дата обращения: 19.09.2026).
24. Why millions of dollars in federal grocery subsidies haven't lessened food insecurity in the North // CBC Marketplace. - URL: <https://amp.cbc.ca/lite/story/1.5074520> (дата обращения: 19.09.2026).
25. Assessment of Nutrition North Canada program structure and regulatory framework // PMC. - URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC5328347> (дата обращения: 19.09.2026).
26. До 2028 года Казахстан планирует перейти на самообеспечение основными продуктами питания // Правительство Республики Казахстан. - URL:

<https://www.gov.kz/memleket/entities/moa/press/news/details/1053272?lang=ru> (дата обращения: 19.09.2026).

27. Постановление Правительства РФ от 13.03.2025 № 306 «Об утверждении Положения о едином морском операторе северного завоза».
28. ГОСТ Р 72119-2025. Меры поддержки «Корпоративный демографический стандарт». Правила формирования корпоративных программ. Методика оценки работодателей (формирование КПД-рейтинга): национальный стандарт Российской Федерации: утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10.06.2025 № 546-ст: введён впервые: дата введения 10.07.2025 // СПС «КонсультантПлюс».
29. Многофакторная оценка продовольственной безопасности региона (метод Е. Н. Антамошкиной) // Материалы конференции «Ломоносов». - URL: https://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/10830/uid147821_report.pdf (дата обращения: 20.09.2026).
30. Комплексная методика оценки продовольственной безопасности региона: апробация на данных Южного федерального округа // Journal of Volgograd State University. - URL: <https://ges.jvolsu.com/index.php/en/component/attachments/download/928> (дата обращения: 20.09.2026).
31. Сметанин, М. В. Диагностика уровня продовольственной безопасности региона / М. В. Сметанин, Е. И. Капустина // Экономическая политика и национальная безопасность. - 2025. - № 1(1). - С. 72–84.
32. Ферова, И. С. Подходы к анализу потребления, качества и безопасности продуктов питания в рамках оценки региональной продовольственной безопасности (на примере Красноярского края) / И. С. Ферова, С. А. Козлова, Е. Н. Таненкова // Торговля, сервис, индустрия питания. - 2025. - Т. 5, № 3. - С. 346–357. - EDN: ETSGYR.
33. Труфанов, Д. В. Демографический стандарт региона как методологический подход к проектированию региональных демографических программ: доклад на Красноярском демографическом форуме / Д. В. Труфанов. - Красноярск, 2024.